

Все владения российские, лежащие по берегам Балтийского моря, хотя и чуждые для собственной России языком и нравами их жителей особенными законами и привилегиями, и устройством гражданским, составляют, однако ж, драгоценнейшую принадлежность империи и необходимое условие её значительности политической и могущества между государствами Европы.

Константин Арсеньев.

Статистические очерки России. 1848.

Вышедшая на русском языке монография германского исследователя Виктора Дённингхауса — работа фундаментальная не только по объёму привлечённого источникового материала, но и по масштабности взгляда на проблему, поднятую автором до историософского уровня. Суть её — роль и значение фактора полиэтничности для судеб государства и общества в процессе решения масштабных социально-политических, экономических и культурных задач. Тот несомненный факт, что решались эти задачи в СССР в формате «чрезвычайщины» (сиречь «социалистической законности»), предполагавшей высочайшую социальную цену преобразований, добавляет драматизма и остроты авторскому исследованию. Каждая из семисот страниц книги так или иначе несёт читателю свидетельство трагедии народа, социального слоя, отдельной личности — трагедии, институционально предусмотренной и официально санкционированной режимом.

Главные действующие лица исследования (в ракурсе объектов партийно-правительственной политики 1917–1938 годов) — немцы, финны, эстонцы, литовцы, латыши, поляки и греки, то есть наиболее развитые в культурном и экономическом отношении и самые многочисленные национальные меньшинства России. Ключевым для понимания отношения власти к этим народам в период построения социализма «в основном» служит сталинское определение «текущие национальные группы», которое автор монографии приводит в самом начале своей работы. Оно-то и становится смысловым камертоном тональности авторского восприятия темы. Как представляется, эта примечательная сталинская формулировка (неуловимость, изменчивость, утеkanie) обнаруживает не только сознательный настрой на подавление возможных проявлений этнических и национальных «нелояльностей». За ней — глубокие подсознательные страхи, свойственные подозрительному и закомплексованному складу ума «вождя всех народов», в отношении народов конкретных, исторически продемонстрировавших свою способность и готовность внести значительный вклад в культурное и цивилизационное развитие России — СССР.

Боязнь «упустить из виду» эти «текущие народы» порождала особую бдительного «Большого Брата», всегда готового разглядеть призраки «пятой колонны» в тени, отбрасываемой собственной монументальной фигурой...

Стратегия авторского подхода к изучению

Татьяна Филиппова,
кандидат исторических наук

ИЗ «ВАРЯГ» В «ГРЕКИ»

К вопросу об адресатах
сталинских репрессий

Дённингхаус В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917–1938 гг.). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

темы развивается от исследования концептуальной стороны национальной политики большевиков к изучению роли центральных органов советской власти в судьбе западных нацменьшинств и деятельности центральных бюро национальных секций ЦК ВКП(б). На вершину «пирамиды» властной архитектуры, структурирующей дизайн политики по отношению к экстерриториальным меньшинствам Запада, Дённингхаус помещает собственно Кремль с его специфическим отношением к упомянутым народам, воплощённым в политической практике государственного управления. Колоссальный массив архивных источников (одно перечисление соответствующих фондов занимает две страницы), значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, уже сам по себе делает работу исследователя этапной в общем развитии историографии сталинизма.

Однако автор идёт дальше. На конкретном материале он осуществляет историко-психологическую реконструкцию многопланового процесса преобразования «риторики вражды» (пропагандистский конструкт) в материализованный «образ врага», коварно формиру-

щего «пятую колонну» (объект репрессивной политики).

«Западные нацменьшинства идеально подходили на роль врага», — отмечает автор. И уточняет внешнеполитический контекст ситуации: «Рост международной напряжённости и объективно существующая угроза войны систематически инструментализировались, дабы создать атмосферу страха и затушевать реальные трудности и противоречия». «Существенную роль при этом сыграли личные черты характера Сталина», — подчёркивает Дённингхаус личностный фактор в процессе конструирования и нагнетания государственных нациефобий. И далее поясняет: «Однажды придя к убеждению, что западные нацменьшинства могут использоваться «капиталистическим окружением» СССР в качестве «тройного коня», Сталин «перед лицом угрозы фашистской агрессии» не мог не поставить под сомнение их лояльности режиму, хотя это противоречило десятилетиями провозглашавшемуся лозунгу интернационализма, а ряды представителей меньшинств уже были основательно «почищены» в начале 1930-х годов. Недоверие Сталина подпитывали органы НКВД, регулярно сообщавшие об активизации деятельности западных стран на территории СССР и подготовке плацдармов для грядущего вторжения».

Обратное воздействие создаваемых в таком формате враждебных образов целых народов не замедлило сказаться на общей предвоенной ситуации, в то время как государственный курс в национальном вопросе, развивавшийся по траектории «от коренизации до депортации», наглядно показал аберрацию базовых концептуальных установок кремлёвского руководства. Попытки превратить западные нацменьшинства в образцовую «витрину» для зарубежных соотечественников споткнулись об устойчивость религиозных представлений «текущих народов», неприятие ими коммунистической идеологии и политики коллективизации. В этих условиях «примат социального», диктуемый классовым подходом режима, уступил место «национальной ксенофобии», демонстрируя тем самым примечательную эволюцию политических установок самой власти в СССР.

1 миллион 200 тысяч представителей «нелояльных районов», подвергшихся в 1941–1942 годах превентивной депортации на восток страны в принудительном порядке, стали прямыми жертвами новой политической доктрины в национальном вопросе, лишний раз подчеркнув масштаб концептуального «творчества» Сталина и его окружения.

Книга Виктора Дённингхауса, возможно, вызовет полемику как в профессиональной среде, так и в российском обществе, неоднозначно оценивающим сталинский период отечественной истории. Однако несомненно то, что желающему вступить в дискуссию с автором придётся проделать, как минимум, столь же грандиозный исследовательский труд, а ещё — пережить шок от столкновения с реалиями 1930-х и суметь преобразовать его в энергию научной аналитики.